

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин Карельской государственной педагогической академии
yulinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Ершов, В. П. Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода»: (Опыт монографического описания сюжета) / В. П. Ершов; Федерал. агентство по образованию, ГОУВПО «КГПУ». – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008. – 236 с.

Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода» из-за своей крайне плохой сохранности претерпела списание. Она была обречена на уничтожение, если бы не Виктор Петрович Ершов, который спас икону от гибели. Реставрация – как локальное Преображение: икона, огнезарная, духовная, воистину просияла, отблагодарив своего спасителя открытием семантических глубин, раньше ускользавших от взгляда. Икона оказалась воистину бездонной, неисчерпаемой. Если здесь уместно это языческое выражение, то можно сказать так: икона заворожила исследователя. Результатом стала монография. Впервые в одну конкретную икону мы можем благодаря В. П. Ершову всмотреться пристально, углубившись в детали, подойти к предмету изучения со всех сторон. Скромному произведению старообрядческой иконописи задан воистину всемирный контекст. Для аналогий и параллелей привлекается материал самых разных культур. Рядом с поморской иконой мы видим и кетский костюм, и тибетскую танку. Изоморфизмы убедительны и доказательны. В связи с проблемой поликефалии В. П. Ершов использует ключевое для него выражение: «ассоциативный ряд» (с. 57). Структуру монографии я определил бы следующим образом: перед нами сложная система ассоциативных рядов – внутренне она закономерна, как бы периодична. Погрузив

икону в небывало мощное ассоциативное поле, В. П. Ершов помогает нам по-новому взглянуть на Русский Север, проявивший и закрепивший фундаментальные архетипы мировой культуры.

Миф всегда сопровождает человека. Спасенная В. П. Ершовым икона со всей остротой ставит проблему раскола в Русской церкви, который привел к ярчайшей вспышке мифотворчества – старообрядческая среда оказалась благодатной для генерации новых космологических и эсхатологических идей, внутри нее возникла уникальная модель мира – выстроился северно-русский крестьянский космос, органично соединивший в себе языческие и христианские мотивы. Этот космос конгениально проявлен в поэзии Н. А. Клюева. Автор монографии постоянно обращается к его творчеству. Исследование словно орнаментировано стихами поэта. Кажется, что они звучат из пространства анализируемой иконы – столь здесь глубок сущностный унисон. Получается так, что Н. А. Клюев подкрепляет аргументы исследователя – и это не только убеждает на чисто логическом уровне, но и захватывает эмоционально.

Архистратиг Михаил в восприятии северных крестьян оказывается необыкновенно сложной фигурой – вот некоторые его грани, выявляемые в монографии: Михаил может замещать Христа; порой он отождествляется с Михаилом Федоровичем – последним, в представлении старооб

рядцев, праведным царем; низвергнувший дьявола с небес, архистратиг однажды оказался и сам низринутым оттуда – разгневал Бога своим состраданием умирающей роженице, которая благодаря ему дала жизнь двум дитятам (записано от В. П. Щеголенка); В. П. Ершов считает возможным рассматривать Михаила в ряду умирающих и воскресающих божеств, куда он включает не только Адониса или Осириса, но и Христа. Право же, христианство возникло не на пустом месте – под ним хорошо просматривается языческая матрица. Сегодня об этом говорят, к сожалению, редко. Надежно выверенный атеизм сослужил В. П. Ершову добрую службу. Огромная любовь к христианской культуре сочетается в нем с абсолютной невоцерковленностью. Свободный исследователь, В. П. Ершов позволяет себе мысли, которые могут показаться рискованными, если не еретическими. Но исследование, на мой взгляд, только выигрывает от этого.

Выявляя смысловое наполнение, читатель вслед за автором задерживается в разных локусах ее многоуровневого пространства. Вот, например, изображения Солнца и Луны. На них накладывается и оппозиция мужского – женского, и коллизия жизни – смерти, и даже дифизитство Христа. При анализе четырех ангелов нам предстает целая феерия различных тетрактий. В главе о крыльях мы явственно слышим их полифонический шум: Психея и Ника, Ахурамазда и Гор, Вишну и Фреда.

Смею назвать В. П. Ершова интереснейшим герменевтиком иконы. Архетип змееборчества в сюжете заявлен прямо. Но неявно он продублирован и в боковых фигурах Власия и Модеста. Относительно них В. П. Ершов выдвигает смелую гипотезу. В ней нетривиально соединяются языческие и христианские реалии. Суть истолкования можно выразить в виде такого условного уравнения:

**ПЕРУН = МОДЕСТ
ВЕЛЕС ВЛАСИЙ**

Подчеркивая, что это соотношение нельзя понимать однозначно, напомним следующее: христианский Власий наследует языческому Велесу – Волосу, чья хтоническая – порой змееподобная – природа установлена в структуралистских исследованиях; известна икона «Модест – патриарх», где святой изображен как умертвитель змея; двойничество персонажей может указывать как на их симбиоз, так и на антагонизм.

Все эти реминисценции вовсе не ведут к выводу, что Модест – аналог Михаила, а Власий замещает его противника. Оба святых находятся в позитивном ценностном поле. Как же иначе?

Тем не менее на неисповедимо глубоком бессознательном уровне их определенная альтернативность могла еле уловимо означаться. Замечу, что старообрядческие иконы представляют интерес еще и потому, что они с особой силой и выразительностью проявляют коллективное бессознательное – через них народ обнаруживал свои заставленные, окончательно еще не отрефлексированные чаяния. Это вполне возможно: совмещение в подходе к иконам такого типа методов герменевтики и психоанализа – ведь перед нами необыкновенно сложный, многослойный текст.

Тема змееборчества имела для старообрядцев и внешний (Антихрист уже пришел), и внутренний аспект (надо страшиться инвазии змея). Поэтому, как пишет В. П. Ершов, необходимо победить его «*в себе, как это сделал Власий*» (с. 210). Неожиданный и перспективный ход мысли. Невольно вспоминаешь изображение Кекропа на фронтоне Парфенона: получеловек-полузмей, он уже одолел в себе хтоническое начало – рядом с ним мы видим свернутое спиралью чешуйчатое туловище. Оно отброшено за ненадобностью – это своего рода выползок, реликт прошлого. Такую метаморфозу, возможно, проделал и Волос, превращаясь во Власия? Подобные вопросы возникают перед нами постоянно. Монография эвристична.

В монографии постоянно подчеркивается «*преемственность христианством мифологической картины мира*» (с. 31), поэтому В. П. Ершов доказательно соотносит Еммануила с богами-малютками, копье архистратига – с тирсом Диониса, трехглавого дьявола – с различными богами-поликефалами. Книга изобилует подобного рода сопоставлениями. Они убеждают в том, что сколь ни велика мера новизны в христианстве, но у него имелись предтечи – многие языческие элементы были ассимилированы им, получив при этом подчас настолько разительную трансформацию, что кажутся новообретениями. На самом деле они обременены тысячелетней культурной наследственностью.

Хочется отметить философскую глубину исследования. Заключительная глава книги – «*Плач об утраченном времени*» – может быть прочитана как самостоятельное эссе, где брошен новый свет на известную оппозицию: АФИНЫ (циклическое время, обеспечивающее повторяемость событий) и ИЕРУСАЛИМ (векторное время, задающее асимметрию ходу истории). Наблюдения В. П. Ершова увлекают. Они содержат в себе потенциал отдельных крупных исследований.